

ПОЭМА МОСКВА – ПЕТУШКИ В. ЕРОФЕЕВА
В ПЕРЕВОДЕ НА НЕМЕЦКИЙ
(К ВОПРОСУ О ТОМ, ЧТО ЖЕ ТАКОЕ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОД)

Cristian Pischlöger

Начать надо сначала, то есть с заглавия поэмы. Хотя бы потому, что „сначала было слово”. И об этом тоже пойдёт речь. А пока – для начала – о заглавии.

Москва – Петушки в оригинале и *Die Reise nah Petuschki* в немецком переводе. Содержание практически осталось, форма пропала. Однако, у Ерофеева форма от содержания неотделима. Как у Гоголя, о котором было сказано не раз в *Петушках*, и не совсем как у Толстого, о котором тоже было упомянуто. Итак, о форме – для начала. Название поэмы насчитывает *тринадцать* букв. Безымянные станции от Москвы до Петушковых обозначены цифрами (километровым расстоянием от столицы) и трижды оканчиваются на 3: 33, 43 и 113. Теперь сравнительно легко проникнуться если не логикой, то подсказкой к ней: *тринадцать* букв заглавия (в начале) и *113 километр* почти в конце.

Теперь о содержании – и тоже для начала: герой наш Веничка многократно (сколько-кратно?) повторяет „вот если я доеду ...”. И почему он повторяет? Правильно! Потому что в *начале* было заглавие, составленное Вендиком Ерофеевым из *тринадцати* букв. Если этого недостаточно (а этого никогда не может быть достаточно), подскажем – буква *М* в хеберском алфавите – *тринадцатая* по счёту буква.

И это ещё далеко-далеко не всё. Числовое значение хеберской буквы *М* – 40. С сороковой ступеньки (считая снизу) Веничка начал свой трудный путь (*Die Reise ...*) в Петушки (... *nah Petuschki*) из чужого подъезда (в немецком переводе – fremdes Treppenhaus) и чуть не закончил его трагически в неизвестном подъезде (в немецком переводе – fremdes Treppenhaus). Чужой не равен неизвестному. Достаточно заглянуть в любой толковый словарь.

Чтобы не утомлять господ филологов арифметикой, попробуем покончить с ней в самом *начале*. Дотошный читатель легко подсчитает, что количество глав – 39

(трижды тринадцать равняется тридцати девяти), а количество станций – 28 (точнее, $28 + 1$, потому что, отправившись с Курского вокзала, Веничка приезжает на тот же вокзал, и, наконец-то, оказывается на вождельной Красной площади, на южном конце которой Минин с Пожарским указывают в сторону Запада, то бишь, к кремлёвской стене, о которую один из *четверых* „хватил (...) головой” Веничку).

Кроме того, поездка Венички в Петушки происходила в *тринадцатую пятницу* после знакомства его с тамошней *сукой*, как называл её наш герой, облагораживая сие не совсем благозвучное существительное благородным прилагательным, – *гармонической* сукой. У Ерофеева форма настолько вытекает из содержания, что для меня лично не сразу стало понятным в немецком переводе – *harmonische Schlunze*. Слово *сука* понятно каждому русскому, как слово *Schlunze* непонятно мне, родившемуся и выросшему в Вене. Другое несоответствие в переводе связано с близким синонимически словом *блядь*: „Играй, Клеопатра! Играй, пышнотелая блядь, истомившая сердце поэта!” (Ерофеев 1981: 49). В немецком переводе: “Spiele nur, Kleopatra! Spiele nur, du dralle Schickse, bis das Herz des Poeten verschmachtet!” (Ерофеев 1987: 50). *Schickse* в переводе с немецкого (точнее, это слово пришло в немецкий из языка идиш) означает примерно следующее: девушка из простой христианской семьи. Клеопатра приравнена к простой крестьянке ... Но и не в этом заключается ошибка перевода. *Блядь*, как определение, для Клеопатры одно из основных; для *Schickse* – одно из периферийных.

Ерофеев словно чувствовал (а почему бы и нет?) трудности возможных своих переводчиков (всякий знает и никто не знает), ввернув в свой текст потрясающий пассаж: „Почему-то никто в России не знает, отчего умер Пушкин, – а как очищается политура – это всякий знает” (Ерофеев 1981: 63). В том-то и дело, что не всякий знает рецепт очищения политуры и каждый ребёнок из детсада знает *как* умер Пушкин. Из текста в прямом переводе это понять трудно, а рядовому читателю, может быть, и невозможно. Поэтому, хвала переводчице Наташе Шпитц, объяснившей в комментариях: “Vielmehr: das weiß jedes Kind (weil es das schon im Kindergarten lernt)” (Ерофеев 1987: 164).

Несколько раз в поэме *Москва – Петушки* встречается в разных вариациях высказывание *вставай и иди*. Одна из ерофеевских форм: *встань и ходи*. Перевести это невозможно (по крайней мере, дословно), потому что по-немецки *вставай* и *встань* выражается одним словом. Даётся эта форма и в переводе с арамейского языка, точнее: „Подошла ко гробу и говорит: «Танифэ куми». Это значит в переводе с древнежидовского: «Тебе говорю – встань и ходи»» (Ерофеев 1981: 87). В немецком переводе: “Sie schritt zum Sarg und sagte: «Talitha qûmî». Das bedeutet in der Übersetzung aus dem Hebräisch: «Ich sage dir, stehe auf und geh»” (Ерофеев 1987: 87). *Hebräisch* и *древнежидовский*, во-первых, не одно и то же, а во-вторых: как можно вообще перевести русское *древнежидовский* со всеми негативными оттенками этого слова? В процитированном отрывке оригинала имеются три – явно не полиграфические – ошибки. Вместо „талифа куми”, неоднократно встречающемся в тексте, на этот раз, очевидно, сознательно автор вставляет „танифэ куми”. Третья и, очевидно тоже, сознательная ошибка – несуществовавший древнежидовский язык. И уж если говорить об очевидно сознательных ошибках-опечатках, можно упомянуть ещё о двух. Издательство УМСА-Press предварило текст поэмы справкой о том, что *Москва – Петушки* были впервые изданы в израильском журнале „Ами”. Немецкое издание ссылается на то, что текст оригинала был взят для перевода в журнале “Ani”. *Ами* в переводе с еврейского означает – *мой народ*. *Ani* – нечто вроде фонетической транскрипции русского местоимения *они* и еврейского местоимения *я*.

В тексте оригинала довольно часто встречаются немецкие выражения, отдельные слова, написанные русскими буквами. Подобно финской песенке *Летка-енка* (название песни и её происхождение не указаны; в связи с этой песней будет сказано отдельно чуть ниже), это совсем не случайно. В послесловии немецкого издания, написанном Наташей Друбек-Мэйер, имеется интересная ссылка на слова Ерофеева: обидевшись на советских чиновников от литературы, он заявил, что следующее своё произведение будет писать на немецком языке.

Теперь о том, насколько трудно и ответственно переводить название глав, состоящих из названий станций от

Москвы до Петушков. В немецком переводе в двух случаях был сделан так называемый прямой перевод: *Москва – Сеп и Молот = Moskau – Hammer und Sichel*; *Омутице – Леоново = Höllenbreugel – Leonowo*. Остановимся на втором случае. В главе *113 километр – Омутице* говорится о картине Крамского *Неутешное горе*. Höllenbreugel – фламандский художник, точнее это его псевдоним, а не имя – Питер Брейгель. Важно помнить (и – знать), что die Hölle по-немецки означает ад. Почему *Омутице* переведено именно так? Возможно, чтобы указать на параллель между живописцами? Не могу ответить. Die Hölle, как ад, сюда больше подходит для объяснения, но нет органической привязки. Повторяю: у Ерофеева содержание объясняется формой и не нуждается в подсказке.

Несколько слов о графическом оформлении. У Ерофеева в поэме используется несколько типов шрифтов. Главные из них – разрядка и курсив. В немецком переводе, кроме обычного шрифта, присутствует только курсив. В оригинальном тексте курсивом набраны слова ангелов. Слова сына Венички передаются разрядкой. Так же как и некоторые места (отдельные слова и предложения), которым автор придаёт особое значение.

В поэме упоминается финская песня в русском переводе – *Летка-енка*, бывшая популярной в Советском Союзе в конце шестидесятых годов. В немецком переводе это никак не поясняется и не проясняется. Просто приводится строчка из довольно популярной немецкой песни, с которой *Летку-енку* объединяет присутствие в ней одного-единственного почти общего слова die Schuhe – туфли. Однако, в краткой биографии Ерофеева, включённой в немецкое издание его книги, можно прочитать, что отец автора был обвинён в сотрудничестве с белофиннами (!) и немецкими (!) фашистами и восемь лет просидел в ГУЛАГе.

Несколько раз Ерофеев сталкивает нас с буквой „Ю”: её прекрасно знает его *трёхлетний* сын. Эта буква появляется перед теряющим сознание Веничкой в заключительной главе. В немецком переводе „Ю” заменена на “Q”. Это объяснить практически невозможно. Но можно попытаться. Qual по-немецки – мука. Мукам подвергается наш герой. Но у Ерофеева „Ю” не случайно уже потому, что это – 29 буква русского алфавита. Между Москвой и Петушками 28

станций. Отправившись из Москвы (первой станции), герой Ерофеева оказывается в Москве сразу же после вокзальной площади Петушков (то есть на двадцать девятой станции). Когда Веничка познакомился со своей гармонической сукой, ему было 29 лет, точнее ему ещё было 29 лет, поскольку встреча эта произошла в его тридцатый день рождения. И с тех пор к моменту путешествия Венички прошло 13 недель... Буква „Ю” у Ерофеева (как и у Кафки, о котором речь пойдёт ниже) может быть и сокращением, начальной буквой: юстиция, юбилей, юдофоб... Кроме того, поскольку здесь уже говорилось о странностях с личными местоимениями, Ю может означать и английское *You*. Буква Q этого ни объяснить, ни подсказать не может.

Однако, можно оправдать старания переводчицы. В рассказах Ф. Кафки *In der Strafkolonie* и *Ein Traum* есть интересные совпадающие моменты. В первом рассказе, когда его герой подвергается страшным пыткам и медленно и в муках умирает, он видит в момент наступления смерти надпись „Будь справедлив!”: “Sei gerecht!” (Kafka 1984: 118). Во втором рассказе перед героем появляется надпись „Здесь покоится Йозеф К.”: “Hier ruht Josef K.” (там же, 146). В переводе на русский заглавие рассказа означает „сон”.

Веничка погибает подобно герою романа Кафки *Процесс* (*Der Prozeß*). Процесс в данном случае необходимо дополнить прилагательным *судебный*. В конце романа герой становится жертвой двоих убийц, которые дважды провернули нож в его сердце. Веничка подвергается нападению четырёх убийц, пригвоздивших его шилом к полу:

Они вонзили своё шило в самое горло...
Я не знал, что есть на свете такая боль. Я скрючился от муки, густая красная буква „Ю” распласталась у меня в глазах и задрожала. И с тех пор я не приходил в сознание, и никогда не приду (Ерофеев 1981: 160).

Sie bohrten mir ihren Pfriem mitten in den Hals ...
Ich hatte nicht gewußt, daß es auf der Welt so einen Schmerz gibt, und krümmte mich zusammen vor Qual. Der tiefrote Buchstabe Q erzitterte und zerfloß vor meinen Augen. Seither habe ich das

Bewußtsein nicht mehr erlangt und werde es auch nie mehr erlangen (Ерофеев 1987: 162).

„Я скрючился *от муки*” = “krümmte mich zusammen *vor Qual*”. Мука появляется в обоих случаях.

Множество параллелей можно найти ещё между Ерофеевым и Кафкой. Например, в начале *Процесса* героя романа арестовывают в его день рождения, утром: ему исполнилось *тридцать* лет. Веничка отправляется в Петушки всегда по пятницам – судебный процесс у Кафки происходит всегда и только по воскресеньям. (Какой же суд заседает по воскресеньям?) Процесс – „последовательная смена состояний в развитии чего-нибудь” (Ожегов 1975: 577), в данном случае – порядок разбирательства судебного дела. Путешествие Венички тоже процесс, развитие: начинается оно утром и завершается вечером. У Ерофеева – один день; у Кафки – один год. В *Процессе* присутствует какая-то неизвестная власть, довлеющая над героем: он не знает, в чём его обвиняют, кто его обвиняет, и на казнь идёт без вины виноватый.

Много и долго ещё можно говорить об ерофеевской поэме. На сегодня я заканчиваю свои размышления. Начал с начала – закончил концом. Но точку ставить не хочу и не желаю. Поэтому закончу *тримя троеточиями*: Москва – Петушки ... (троеточие) (*Процесс*) ... (второе троеточие) В русском алфавите эти буквы следуют в таком же порядке ... (третье троеточие)

ЛИТЕРАТУРА

- Ерофеев, В.
 1981 *Москва – Петушки*, YMCA-Press 1981.
 1987 *Die Reise nach Petuschki*, Serie Piper, 1987.
 1992 *Vaszilij Rozanov – ahogyan egy különös látja*,
 “Nagyvilág”, 1992: IV.
- Ожегов, С. И.
 1975 *Словарь русского языка*, М. 1975.
- Kafka, F.
 1984 *Sämtliche Erzählungen*, Fischer, 1984.
 1987 *Der Prozeß*, Reclam, 1987.

ABSTRACT

In my paper I tried to show how difficult the translation of literary works is. The German translation mainly reproduces the meaning (besides the fact that it also contained blatant errors). But in Yerofeyevs composition the form is as important as the meaning. A word, besides its semantical meaning, also implies symbolic meaning, in terms of numbers. The problems of translation, for example in connection with numerology, start with the original title, consisting of 13 letters, which is not reflected in the German translation. And it ends with the Russian letter „Ю” the hero catches sight of, before he gets murdered (?) at the end of the poem. The Russian letter „Ю” could be an abbreviation, the English personal pronoun *you* or a number as well. This simply cannot be reproduced in German, where this letter does not even exist.